

И. А. ЛОБАКОВА

Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем»

«Повесть о разорении Рязани Батыем» (далее ПорРБ) — одно из самых совершенных произведений литературы Древней Руси — нельзя назвать памятником, обойденным вниманием исследователей.

Впервые опубликованная в 1841 г.,¹ повесть рассматривалась историками в качестве основного исторического источника при описании гибели Рязани и начального периода монголо-татарского ига.²

ПорРБ включена в общие курсы истории древнерусской литературы, учебники и учебные пособия. Во всех обзорах отмечались высокие художественные достоинства памятника, связь его с фольклором (особенно в воинских эпизодах), решался вопрос о соответствии сведений, сообщенных в произведении, исторической реальности.

Проблема истории создания ПорРБ была поставлена уже в 40-х гг. нашего века. Ею занимались В. Л. Комарович³ и Д. С. Лихачев.⁴ Оба исследователя рассматривали это произведение в составе цикла повестей о Николе Зараском (в рукописях этот цикл образован «Сказанием о пере-

¹ Сахаров И. Сказания русского народа. 3-е изд. СПб., 1841. Т. 1, кн. 4. С. 46—56. В основу издания был положен текст Хронографической ред. произведения по списку «Костромской летописи» (ГИМ, собр. Черткова, № 115 б), т. е. Русского современника.

² Воздвиженский Т. Я. Историческое обозрение Рязанской губернии. М., 1822; Иловайский Д. (И). История Рязанского княжества. М., 1858; Миллер О. О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 2. № 5. С. 49—60; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889. Т. 1; СПб., 1891. Т. 2. Н. М. Карамзин в 8-й главе III тома «Истории государства Российского» излагает события захвата Рязанского княжества, также следуя сюжету «Повести о разорении Рязани Батыем», основываясь все на той же «Костромской летописи». С. М. Соловьев в своем анализе истории Руси XIII в. опирался на рассказ «Хронографа 1512 г.», но в сноске есть указание на Русский современник, т. е. все ту же «Костромскую летопись», а князь Федор включен в родословную таблицу рязанских князей (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 3. С. 332). Доверие русских историков к памятнику было настолько полным, что Д. И. Иловайский, например, даже различал князя Олега Ингоревиича, о котором по летописным источникам известно, что в 1252 г. он вернулся из плена на Рязань, и Олега Ингоревиича Красного, героя Повести, известий о котором летописи не содержат. А. Е. Пресняков, касаясь генеалогии рязанских князей, также учитывал данные литературного произведения (см.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 225—226). Даже в работе авторитетных советских историков можно встретить с отношением к литературному произведению как к историческому источнику (см., например: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950).

³ Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72.

⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—406. Далее ссылки в тексте.

несении иконы Николы Корсунского в Рязань» (рассказ о событии, отнесенном к 1225 г.), Повестью, «Коломенским чудом» (о событиях 1521 и 1531 гг.) и «Родом поповским» (который доведен до 1561/1615 гг.). Однако и основания для подобного рассмотрения, и отношение к ПорРБ у обоих ученых были различными. Статья В. Л. Комаровича, опубликованная посмертно (исследователь погиб в Ленинграде в 1941 г.), была, вероятно, наброском большой работы и носит тезисный характер. В. Л. Комарович на материале 12 известных ему списков XVII—XVIII вв. ПорРБ пришел к выводу, что Повесть является позднейшим распространением первого произведения Заразского цикла — «Сказания о перенесении Николина образа в Рязань». А так как исследователь считал, что Заразский цикл создан в 30—60-е гг. XVI в., то и Повесть относил к этому же времени. Восстановить классификацию В. Л. Комаровича достаточно трудно. Называя редакцию, в исследовании Д. С. Лихачева обозначенную как ред. А, «распространенной», В. Л. Комарович подразумевал существование «краткой», которая была источником распространения, но значит ли, что «краткая» есть конечный эпизод «Сказания о Николином образе», или созданный на основе этого эпизода краткий вариант текста, не дошедший до нас, сказать сложно. Создание «распространенной» ред. В. Л. Комарович относил к 1530-м гг., в качестве датирующего доказательства приводя дату входящего в цикл другого произведения — «Коломенского чуда», содержащего даты (1521 г. и 1531 г.), не аргументируя одновременности создания этих двух произведений.

Ред. Б исследователь назвал «компилятивной», хотя остается неясным, почему замечание о том, что «тут дважды повторяется не только основная хронологическая дата (6745—1237), но и весь ход основных событий...», отнесено именно к ред. Б: оно столь же правомерно и по отношению к «распространенной», и Хронографической и др. «Компилятивную» ред. В. Л. Комарович считал вторичной по отношению к «распространенной», так как полагал, что она была создана в 1560 г., т. е. тридцатью годами позже «распространенной». Основанием для такой датировки был арифметический подсчет: 1225 г. — год принесения иконы + 335 лет служения в храме священников из рода Евстафия, как сообщено в «Роде поповском» (последнем произведении Заразского цикла). Доказательств, подтверждающих одновременность появления «компилятивной» ред. ПорРБ и «Рода поповского» (равно как и одновременность создания «распространенной» и «Коломенского чуда»), в работе не содержится.

В 1949 г. появилась статья Д. С. Лихачева, в основе которой лежало изучение 34 списков XVI—XVII вв., содержащих Повесть. В этой статье выделены все редакции Повести, дана их классификация, опубликованы тексты всех редакций. Это исследование является основополагающим при изучении ПорРБ. Хотя Д. С. Лихачев подчеркивал, что произведения, входящие в состав цикла, «ни в коем случае нельзя изучать вне общей литературной истории этого свода» (с. 257), он отметил «разнотипность, разновременность и неравноценность» составляющих цикл произведений. Д. С. Лихачев писал, что «если „воинскую повесть“ относят к лучшим после „Слова о полку Игореве“ произведениям древнерусской литературы», то другие части цикла «достаточно трафаретны». Оспаривая мнение В. Л. Комаровича, который считал Повесть результатом распространения Сказания, Д. С. Лихачев отметил, что «центральные, воинские части этого цикла, несомненно, принадлежат первой половине XIV века,... причем, „воинская повесть“ не могла быть создана при церкви Николы ее служителями, она только была включена в Заразский цикл» (с. 258).

Таким образом, если В. Л. Комарович рассматривал Повесть в составе цикла потому, что считал ее созданной в рамках и на основе этого цикла,

то Д. С. Лихачев, отмечая предшествующий включению Повести в цикл самостоятельный период ее существования, сосредоточил свое внимание на том этапе жизни памятника, который подтвержден рукописными материалами, т. е. начиная с XVI в.

Подчеркнув, что говорить о редакциях памятников Заразского цикла можно, как правило, на основе текстовых отличий ПорРБ, ученый определил наличие двух редакций, которые были источником всех остальных, и обозначил их как основные А и Б, причем Б представлена двумя видами — Б₁ и Б₂. Д. С. Лихачев отметил, что «текстовые отличия между ред. А и Б не дают возможности говорить о несомненном старшинстве одной из них». Три старших списка ПорРБ, относящиеся ко второй трети XVI в., передают тексты ред. А и двух видов Б.⁵

Вопрос о взаимоотношении между тремя древнейшими списками, представляющими тексты ред. А, Б₁ и Б₂ ПорРБ, еще не ставился исследователями.

Проделанный текстологический анализ позволил прийти к выводу, что ред. Б₁ и ред. Б₂ восходят к общему источнику, который был дополнен составителем Б₁, а в редакции Б₂, как правило, сокращался.

Отсутствие прямой связи между Б₁ и Б₂ подтверждается тем, что среди текстовых отличий между ними наблюдается совпадение с текстом ред. А чтений, то содержащихся в Б₁, то зафиксированных в Б₂. Причем это может быть совпадение как отдельных слов, так и целых фрагментов. В качестве примеров можно остановиться на следующих:

ред. А	ред. Б ₁	ред. Б ₂
1) «... прося помощи у него на безбожного царя Батые, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел...».	«...прося помощи у него на безбожного царя Батые или бы сам пошел. <i>А сам князь велики с братею вборзе начаша совокупляти войско свое и укрепляти.</i> Князь великий Георгий Всеволодовичь...».	«...прося помощи у него на безбожного царя Батые, или бы сам пошел. Князь великий...».
2) «...не успевати наливати чаш на великую силу — <i>рать татарскую</i> ».	«...не успевати наливати чаш на великую силу татарскую».	«...не успевати наливати чашю на <i>толику</i> силу и великую <i>рать</i> тотарскую».
3) «Татарове мняша, яко мертви восташа».	—	«Татарове же мняща, яко мертви вьстаща».
4) «...подивися ответу их <i>мудрому</i> ».	«...подивися ответу их <i>мудрому</i> ».	«...подивися ответу их».
5) «О Коловрате Еупатие! <i>Гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною. Да многих богатырей сильной Орды побил еси, и многие полкы падоша.</i> Аще бы у меня...».	«Брате Еупатие! <i>Гораздо еси меня потщивал с малою своею дружиною. Да многих нарочитых богатырей сильныя Орды побил еси, и многия от тебе падоша.</i> Аще ли бы...».	«О Коловрате Еупатие! Аще бы еси...».

Дополнения, сделанные составителем Б₁ к тексту их общего с Б₂ протографа, носят, как правило, дидактический или повествовательный характер.

Таким дополнением, в частности, является так называемое дидактическое вступление, которое является одной из главных отличительных примет

⁵ Ред. А — ГБЛ, Волоколамское собр., № 532 (вторая треть XVI в.); Б₁ — ГПБ, собр. Погодина, № 159 (1587 г. — по пасхалии); Б₂ — ГПБ, собр. Погодина, № 642 (последняя четверть XVI в.). Далее в статье цитаты из текста Повести приводятся по публикации Д. С. Лихачева.

ред. Б₁: «...попущающу Богу за грехи наша иногда глад бысть велий, а иногда трус, и градове велиций, и овогда пожар, и нашествие поганых, и межусобна брань за наше прегрешение» (его нет ни в Б₂, ни в А).

Распространенным оказалось в ред. Б₁ и обращение князя Юрия Ингоревича к братьям и дружине: «Лутши нам смертью живота *собе* купити, за *святыя* Божиа церкви и за веру *крестьянскую* смерти *вкусити*, а неже в *сего* окаянного и безбожного царя воли быти!» (ср.: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воле быти!» — в ред. А).

Как дополнения повествовательного характера можно рассматривать, например, такие: «Посла сына своего князя Федора Юрьевича и иных князей к безбожному царю Батыю», «...или бы сам пошел. А сам князь велики с братею *вборзе* нача *совокупляти* войско свое и *укрепляти*», «...и плакашеса пред образом... пречистой Его матери *Одигитрие*, юже *принесе епископ Ефросин из Святыя Горы...*» (сведение из «Сказания о перенесении Николина образа») и ряд других.

В тексте ред. Б₂ очевидны сокращения, которым подвергся текст протографа, среди которых были и мелкие, незначительные с точки зрения художественной организации памятника («подивися ответу их» — вместо «подивися ответу их мудрому»; «удалцы и резвцы, воспитание резанское» — вместо «удалцы и резвцы, воспитание и узорочье резанское» и др.)

Ряд сокращений привел к существенным изменениям в структуре повествования. Это прежде всего относится к трем фрагментам ПорРБ: молитве Юрия Ингоревича Рязанского, обращению его к братьям и дружине, описанию прощания князя с родными и «всем миром» (эти эпизоды, несколько отличающиеся друг от друга планом выражения, читаются и в ред. А, и в ред. Б₁). Поскольку все три фрагмента в тексте произведения следуют друг за другом и объем их значителен, то можно предположить, что источником ред. Б₂ была рукопись, в которой оказался утраченным один лист (если рукопись была в 4^о).

Кроме трех указанных эпизодов в ред. Б₂ были опущены слова Юрия Ингоревича, которые он произносит после гибели своего брата — Давида Муромского. В ред. Б₁ читаем: «Един бяшеса с тысящми, а два — со тмами. И видя князь великий Юрьи Игоревич убиенна брата своего князя Давида Игоревича, и инех князей и сродник своих, и воскрича в горести души своея: „Братиа моя милая и дружина ласкова, узорочье и воспитание резанское! Мужайтеса и крепитеса. Брат наш Давид преже нас чашу испил. И мы ли ее не пьем?“. Удолжы же и резвцы резанския тако бяшеса крепко и нещадно, яко и земле постонати». В ред. Б₂ этот эпизод имеет вид: «Един бяшеса с тысящью, а два — съ тмою. Мнози бо князи рязанския и воеводы крепкия, и удалцы и резвцы, и узорочие и въспитание рязанское падоша».

Составителем ред. Б₂ был исключен из текста источника повтор, имеющий композиционную функцию,⁶ который в ред. А и Б₁ ПорРБ первый раз звучал после гибели князей с дружиной: «Вси равно умроша, и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаща. Сея бо наведе Бог грех ради наших».

Но наряду с сокращениями в текст ред. Б₂ были введены и добавления по сравнению с ред. Б₁ и А. Прежде всего они связаны с фигурой Евпатия

⁶ См.: Евсеева И. А. Анализ формульного стиля «Повести о разорении Рязани Батыем» // Рукописная традиция XVI—XIX веков на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—126. Отметим, что в Хронографической ред. Повести XVI в. композиционная функция повтора уже не ощущалась. В редакциях XVII в. наблюдается та же тенденция и изменения ведутся в том же направлении, что и в ред. Б.

Коловрата. В этой редакции он получил отчество — Львович. А главное, в ред. Б₂ читается описание похорон Евпатия, торжественных и чинных, включенных в описание княжеских погребений: «Принесоша бо Еупатиа въ град Рязань, и срете его сам князь великий Ингварь съ епископом, и съ останочными людьми. И взя тело его князь великий съ множеством народа, и понесоша его на главах честно, и целова его любезно, и плакашися над ним князь великий со всеми людьми. И даша хвалу Богови, и надгробное пеша, и похраниша его въ святей соборней и апостолстей церкви генваря в 11 день». Рассказ о погребении Евпатия, предваряющий описание похорон князей Ингварем Ингоревицем, как нам кажется, зависит от читающегося во всех редакциях описания погребения Олега Красного (это описание есть и в Б₂): «Великий князь Ингварь Ингоревиць поиде къ граду Проньску, и собра труп брата своего князя Олега Ингоревица Краснаго, и несе въ град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингоревиць до града понесе, и целова ю любезно, и положиша его в соборной апостольской церкви с великим князем Георгием Ингоревицем въ единой раце». Причем, только ред. Б₂ содержит фрагмент, перекликающийся с описанием действий князя при погребении Евпатия: «...и пев над ними надгробное, и плакася велми с епископом и с останочными людьми, и погребоша их честно».

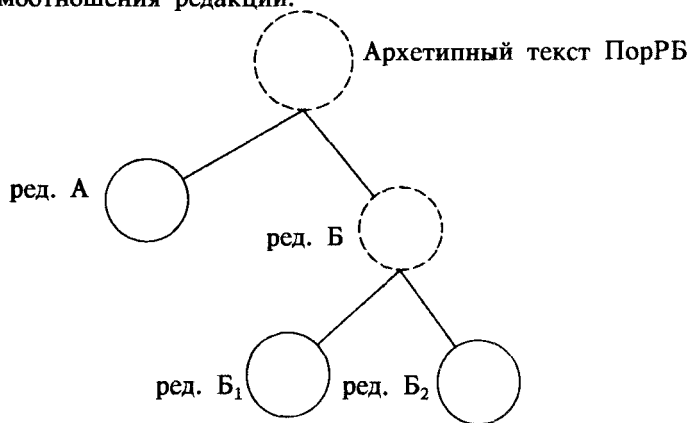
В ред. Б₂ имеются дополнительные — за счет использования «воинских формул» — характеристики в изображении битвы рязанских князей с Батыем: «Страшно бо есть видети, и жалосно, како же проезжая великиа сильныа полки татарския, и храбро и мужественно бияшесе».

Но эти дополнения редки и не снимают замечания об общей тенденции создателя ред. Б₂ к сокращению текста источника, причем сокращаются, как правило, воинские сцены.

То, что ред. Б₁ и Б₂ имеют в своей основе *общий* источник, подтверждается тем, что они отличаются от ред. А последовательностью начальных эпизодов (в ред. А Юрий Ингоревиц сначала обращается за помощью во Владимир, а потом пытается отвести от княжества беду дарами, а в ред. Б обоих видов отказ Юрия Владимирского получен уже после убийства Федора), упоминанием о потехах, которыми Батый начал тешить русских послов (в ред. А об этом не говорится), одинаковым построением рассказа о гибели Олега Красного.

Имеющиеся совпадения с текстом ред. А чтений то ред. Б₁, то ред. Б₂ позволяют сделать вывод, что протограф редакций Б и текст ред. А имели *общий* источник.

На основе предложенных доказательств получается следующая стемма взаимоотношения редакций:

Таким образом, учитывая текстовые различия, можно сделать вывод о том, что текст ред. А более близок архетипному тексту Повести, в то время как ред. Б₁ и Б₂ содержат индивидуальные изменения текста общего источника — ред. В, текст которой также восходит к архетипу.

Поэтому, продолжая сопоставление ред. А с двумя другими старшими редакциями, попытаемся привести дополнительный материал, имеющий датирующее значение. Основой для сопоставления с ред. А следует взять ред. Б₁ (поскольку в ней нет сокращений), однако в тех случаях, когда в ред. Б₂ есть несовпадения с Б₁, они будут учитываться.

Монголо-татарское нашествие на Русь 1237—1240 гг. и установление ига ввело в древнерусскую литературу трагическую тему «погибели Русской земли», ставшую основной для произведений всех жанров XIII—XIV вв.: летописного, агиографического («Житие Михаила Черниговского», «Житие Михаила Тверского») и жанра ораторской прозы («Слова» Серапиона Владимирского, «Слово о погибели Русской земли»). Тема героической борьбы с татарами продолжала звучать в памятниках более позднего времени («Казанской истории», «Китежской легенде» и др.), но со временем менялось восприятие нашествия, набор художественных приемов в его изображении.

Старшие редакции отличаются друг от друга не только текстологически, но и в идейном плане, в принципах цитирования и в ритмико-синтаксической организации.

Так как временем создания Повести по приведенным доказательствам можно считать первую половину XIV в.,⁷ то для сравнения мы привлекаем «Слова» Серапиона Владимирского, не использовавшиеся ранее для такого сопоставления и посвященные той же теме — теме «великой конечной гибели» (именно таким образом воспринимали современники нашествие монголо-татар на Русь).⁸

Одним из основных признаков принадлежности списков к редакции Б₁ является наличие дидактического вступления: «...попущающу Богу за грехи наша иногда глад бысть велий, и иногда трус и градове величый, и овогда пожар, и нашествие поганых, и междуусобна брань за наше прегрешения...». Описание это почти дословно совпадает с известиями о «казнях Божиих», самое раннее из которых читается в «Повести временных лет» под 1068 г.: «Земли же согрешившей, которой любо, казнит Бог смертью, ли голодом, ли наведением поганых, ли ведром, ли гусеницею, ли иными казнями».⁹

Интересно, что только редакция А, не имеющая этого вступления, приводит слова о «великой конечной» (выделено нами. — И. Л.) гибели в следующем эпизоде: князь Ингварь Ингорович приезжает на пепелище и видит «множество много мертвых лежаща, и град разорен, церкви позжены, и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингорович великую конечную гибель грех ради наших, и жалостно воскричаша...». Нашествие татар для создателя этой редакции — не просто одна из «казней Божиих», но предвестие конца света, знак «последних времен». Сушественно, что в 1270-х гг. Серапион Владимирский воспринимал «пленение Русской земли» именно так: в его «Словах» постоянно присутствует мысль о знамениях «последних лет»: «...и в последние

⁷ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. С. 258.

⁸ Так, например, в Повести о битве на реке Калке в 1223 г., датируемой 30-ми гг. XIII в., автор приводит слова из «Откровения Мефодия Патарского» о пленении всей земли «языком неведомым» как о знамении «к скончанью времен». См.: ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1. С. 445.

⁹ Там же. С. 167—168.

лета будут знаменья в солнци, и в луне, и в звездах, и труси по местом, и глади».¹⁰ Хотя лексически данное место близко к дидактическому вступлению в ред. Б₁, ибо источник и у Серапиона, и у летописца, и у создателя редакции был один (библейские эсхатологические тексты),¹¹ но идеи о «великой конечной гибели», очень существенной для сознания людей второй половины XIII в., ред. Б и первого и второго видов не содержит. Отметим, что в XIV в. монголо-татарское пленение стало восприниматься уже как одна из «казней Божиих» и оказалось лишенным эсхатологического звучания. (Так, например, рассказывая о желании Мамаю стать «вторым Батыем», автор «Сказания о Мамаевом побоище» замечает: «...не разумеша нечестивый... яко же во оны дни Иерусалим пленен бысть мерским царем Навходоносором вавилонским за их согрешение, но не до конца (выделено нами. — И. Л.) прогневается Господь, ни в веки враждует»). Таким образом, легко заметить, что в идейном отношении ред. А ближе Серапиону Владимирскому, чем Б₁ и Б₂ (в которой нет ни вступления, ни слов о «великой конечной гибели»). И независимо от того, является ли это сходство результатом осмысления нашествия современниками или следствием знакомства создателя ред. А с произведениями Серапиона, первоначальность самого такого восприятия бесспорна. Ред. Б, напротив, оказывается ближе по трактовке Батыевщины к памятникам более поздним (см., например, известие о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 г. и др.).

С этой же мыслью о «великой конечной гибели» связано и сообщение в ред. А ПорРБ о том, что в Рязани погибли все ее защитники: «И не оста во граде ни един живых. Все равно умроша, и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща: и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду. Но вси вкупе мертви лежаща. И сия вся наиде грех ради наших». В ред. Б₁ и Б₂ это описание (с незначительными лексическими и грамматическими вариантами) также есть. Но в редакциях Б есть известие о захваченных в плен жителях города: «...а ини нкюзи в полон поведени быша». Сообщение это, на первый взгляд, развивающее мысль о бедах, постигших рязанскую землю, нейтрализует в центральном эпизоде ее главный символический образ — образ единой смертной чаши для всех. Ведь и отчаянная битва Евпатия продолжает в ПорРБ тему единства судьбы: оставшиеся в живых пьют ту же смертную чашу, которая миновала их случайно. Таким образом, в ред. А тема «великой конечной гибели» проведена последовательно.

Близость к «Словам» Серапиона Владимирского текста Повести в ред. А не исчерпывается только идейной близостью. И создатель ред. А, и проповедник используют одинаковый принцип цитирования. Приведем один пример. Так, молитва князя Юрия: «Изми нас от враг наших, Боже, и от востающих на нь избави нас, и покры нас от сонма лукавнующих и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок» — составлена из стихов различных псалмов (ср.: «Изми мя от враг моих, Боже, и от востающих на мя избави мя» — Пс. 65, 2; «Покрый мя от сонма лукавнующих» — Пс. 63, 3; «Да будет путь их тма и ползок» — Пс. 34, 7, а слова

¹⁰ Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века: Исследования Е. Петухова СПб., 1888. Приложения. С. 1.

¹¹ Л. П. Жуковская убедительно показала, что лексические разночтения в библейских текстах не имеют датирующего значения: в одно время сосуществовали тексты с различными лексическими вариантами. Потому оказывается невозможным датировать произведения по тому виду, который имеют библейские цитаты. См.: Жуковская Л. П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению, их значение и методика исследования. М., 1963. С. 20—35.

«и от множества творящих безаконие» — результат соединения частей стихов 65-го псалма — «избави мя от делающих безаконие» и 13-го — «от множества творящих неправду»). Использование стихов различных псалмов для создания своего текста характерно для творчества и Серапиона: так, «Господи, виждь смирения наша, отпусти вся грехы наша, обрати ны, Боже, Спасителю наш, возврати ярость Свою от нас, да не век прогневаешися на ны, ни да прострещи гнев Свои от рода в род»¹² — результат соединения 18-го стиха 24-го псалма «Виждь смирение мое, и труд мой, и отпусти вся грехы моя» и 5—6-го стихов 84-го псалма: «Обрати ны, Боже, Спасителю наш, и возврати ярость Свою от нас, егда в век прогневаешися на ны или прострещи гнев Твои от рода в род». Является очевидным, что и редактор А, и Серапион не просто используют библейский источник как материал, на основе которого создают «свой» текст, но опускают отдельные слова и меняют порядок их, подчиняя созданную конструкцию единому ритму.¹³ В ред. Б в большинстве случаев используются цитаты, приводимые в А, но они часто оказываются дополненными по тексту источника. Так, указанная молитва продолжена следующими словами: «Не попусти, Господи, сему окоянному владети Рускою землею, и нам, рабом Твоим, не дай в воле его быти». Увеличение объема библейского текста в речи — прием, характерный для литературы более позднего времени (см. молитвы Дмитрия Донского перед битвой в «Сказании о Мамаевом побоище») и указывающий на «вторичность» текста.

Основным материалом для ритмического сопоставления являются некоторые реминисценции и заимствования из Священного Писания в Повести, которые уже в силу своей ориентированности на «чужой» ритмически организованный текст позволяют особенно ярко ощутить разницу в подходе к общему источнику: если ред. А дает чтения, в которых отчетливо стремление к ритмико-синтаксической организации, то в ред. Б₁, Б₂ нет сознательной установки на таковую.

С мотивом «великой конечной гибели» связана одна из основных тем ПорРБ — тема плача. Рассмотрим два таких фрагмента в двух старших редакциях. В рассказе о «рыдании» над Рязанской землей Ингваря Ингевича в ред. А читаем:

Кто бо не возплачетца толикаа погибели,
или хто не възрыдает о селице народе людей православных,
или хто не пожалит толика побито великих Государей,
или хто не постонет таковаго пленения?

Источником этой реминисценции можно считать III Книгу Маккавейскую (4, 3): «Кая страна, или кое весьма обитаемое место, или кия стогны плача и рыдания о них не наполняхуся?». Однако в ред. А очевиден достаточно жесткий принцип синтаксического параллелизма: вопросительное

¹² Серапион Владимирский... С. 1.

¹³ Причем последнее — особенно существенно. Если сравнить принципы цитирования в ред. А и у Серапиона с теми, которые наблюдаются у Епифания Премудрого, например, то легко обнаружить, что писатель XV в., во-первых, обычно ссылается на источник («яко же рече Священное Писание», «Яко речено бысть в Писании», «такое Давид-пророк рече», «другому апостолу, глаголющу» и т. п.); во-вторых, не очень частые для него случаи соединения текстов различных источников либо оговаривает («а еще тако же рещи»), либо разбивает их своим текстом («Господь даст глас» — Пс. 57, 12; «...сега ради преклоняю колени мои к Отцу Господу нашего Иисуса Христа, от Него же — всяко даение благо, всяк дар свершен, слышесть сходя» — Кн. Иакова. 1, 17), либо сохраняет ритмическую организацию, которая была в источнике, и стихи различных псалмов являются семантическими повторами («Господи, устне мои отверзеши, и уста моя възвестят хвалу Твою» — Пс. 1, 17; «...да исполняется уста моя похвалы, яко да восхваляю славу Твою» — Пс. 70, 8). Соединение стихов псалмов в молитву всегда осуществляется как точная передача собственных ритмов источников.

местоимение (кто) — синонимические трех-четырёхсложные глаголы (возплачетца—возрыдает—пожалит—постонет) — усилительное слово (толика—селице—толико—такового) — дополнение (в 1-й и 4-й строках выраженное четырёхсложным существительным в род. падеже: «погибели» — «пленения», а во 2-й и 3-й — словосочетаниями из 3 слов: «народе людей православных» — «побито великих государей»). Бесспорно, что ритмическая организация рассмотренного описания отлична от заданной источником.

Показательно, что и Серапион Владимирский чаще всего создавал свой ритмический рисунок, который также заметно отличается от библейского. Так, например, слова: «И величество наше смерися, красота наша погыбе, богатство наше инем в корысть бысть»¹⁴ — являются реминисценцией библейских: «И се святая наша, и красота наша, и слава наша опусте» (I Книга Маккавейская. 2, 12¹⁵), но основой ритмической организации выступает очевидный синтаксический параллелизм. Таким образом, можно говорить о некоем (самом общем) совпадении принципа ритмизации у Серапиона Владимирского и в ред. А.

В ред. Б₁ дается иное чтение рассказа о плаче князя Ингваря:

Кто бо не возплачетца такие погибели,
или кто не возрыдает о селице народе людей,
или кто не пожалит множества государей, и храбрых воевод, и нарочитых людей
напрасно нужную смертью скончашеся,
или кто не постонет такового пленения?

В этом случае произошло нарушение синтаксического параллелизма: 3-я строка оказалась осложненной пространным перечислением («государей, и храбрых воевод, и нарочитых людей») и дополнительной оценкой («напрасно нужную смертью скончашеся»).

В ред. Б₂ приведен вариант, ощутимо связанный с Б₁, но более краткий:

Кто бо не всплачется такая погибели,
или кто не възрыдает о селице народе людей напрасно нужную смертью скончашеся,
или кто не постонет такового пленения?

Во фрагменте, читающемся в ред. Б₂, отсутствует 3-я строка (о гибели государей), а оценка отнесена ко 2-й строке. Можно предположить, что в протографе Б этот фрагмент был таким, как в Б₁, а Б₂ сократил его.

Не менее интересно создание другой реминисценции. Князь Ингварь, обращаясь к погибшим братьям в ред. А, говорит:

Язык мой связается,
уста загражаются,
зрак опусмевае,
крепость изнемогае.

К данному месту можно привести несколько библейских параллелей: «Изше, яко скудель, крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему» (Пс. 21, 16); «Заградишася уста моя» (Пс. 62, 12); «Оскудеша очи мои в слезах» (Плач Иеремии. 2, 11) и др. Вновь на библейской основе автор создает свой синтаксически завершённый образ, который является результатом последовательного соединения простых предложений, где на первом

¹⁴ Серапион Владимирский... С. 10.

¹⁵ Этот же источник использует Повесть, где о земле Рязанской сказано: «Изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети, токмо дым и пепел» (в Б — «и земля»). Интересно, что третья часть этой реминисценции распространена по сравнению с предыдущими двумя, совпадая с точки зрения ритмической организации с ритмом, предложенным Серапионом.

месте — подлежащее, на втором — сказуемое, выраженное глаголом в форме настоящего времени. Причем притяжательное местоимение «мой» в 1-й строке дает ей 7-й слог (столько же, сколько и во 2-й), в 3-й — 6 слогов, в 4-й — снова 7. Не имея возможности остановиться на этом вопросе более подробно, отметим все же стремление к слововому равенству. Кроме того, 1-я и 2-я строки имеют одинаковый последний слог (-ся), так же, как и 3-я и 4-я (-ет), что можно расценить как установку автора на звуковой параллелизм.

В ред. Б₁ и Б₂ дан вариант, который дословно совпадает с описанием плача княгини Евдокии в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русского»: ¹⁶ «Язык мой связывается, уста заграждаются, гортань премолакает, смысл изменяется, зрак опусмеваает, крепость изнемогает». По сравнению с ред. А здесь добавлены два ряда, в первом из которых глагол не имеет -ся, а во втором — имеет. Данное описание стало общим местом описания состояния героя в минуту горя.

Чтобы убедиться, что сделанные наблюдения справедливы для всего текста Повести, а не только для отрывков, использующих библейские параллели, обратимся в качестве примера к описанию гибели Олега Красного. Попавший в плен князь отказывается предать веру, и Батый приказывает убить его. В ред. А читаем:

Сий бо есть второй страстоположник Стефан,
приа венець своего страдания от всемилостиваго Бога,
и испи чашу смертную своею братеку равно.

В ред. Б₁ и Б₂ этот эпизод имеет следующий вид:

Сий бо есть мученик Христов,
приа венець своего изповедания и мучения со сродником своим блаженным
князем Феодором Юрьевичем
и приаща венца нетленная от всемилостиваго Бога.

Отметим, во-первых, что в ред. Б Стефан (первый, согласно Деяниям апостолов, из последователей Христа, погибший за веру) заменен безличным «мученик Христов» (а для создателя первоначального текста, вероятно, было важно подчеркнуть равновеликость жребия первомученика и брата рязанского князя), во-вторых, в эпизод введен Федор, который действительно был первой жертвой татар (т. е. сделано «историческое исправление», характерное для вторичного текста, причем упущено из виду, что погибли уже все рязанские князья: «исправление» неточно), но погиб он за смелый ответ Батыю, а не за отказ отречься от веры. Таким образом, в ред. А князья погибают гордыми послами — Федор (эпическое изображение смерти), мужественными воинами — Юрий с братьями (воинско-агиографический план), первомучеником — Олег (агиографический принцип описания), что тоже небезразлично идейному содержанию Повести.

Но для целей настоящей статьи важнее то, что если в ред. А можно говорить о ритмической организации (так, «приа венець своего страдания от всемилостиваго Бога» и «испи чашу смертную своею братеку равно» построены по законам синтаксического параллелизма, хотя и неполного), то в редакциях Б таковая отсутствует.

Таким образом, в ред. А ощутима установка на ритмическую организацию текста, которая ближе к принципам создания ритма в памятниках литературы более ранней поры (XII—середина XIII в.), чем в ред. Б.

¹⁶ Первым связь этих плачей отметил А. И. Соболевский. См.: Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве» // ИОРЯС. Л., 1929. Т. 2, кн. 1. С. 181.

В ред. Б отсутствует внимание к ритмической организации текста, отсюда — «обрастание» синтаксических рядов этикетными деталями.

Представляется, что сделанные наблюдения могут подтвердить основанное на текстологическом материале суждение о том, что в ред. А даются чтения, более близкие архетипу.

Вопрос о том, каким был первоначальный текст ПорРБ, является особой проблемой: сюжетность повествования, позволяющая легко вычленять эпизоды (приход татар — посольство Федора — самоубийство Евпраксии — подготовка к битве и прощание князей — битва с Батыем — гибель Олега Рязанского — разорение Рязани — битва Евпатия с дружиной — приход Ингваря — похороны и плач князя — похвала роду рязанских князей), позволила в свое время И. У. Будовницу высказать мысль о том, что «все отмеченные моменты религиозного и рыцарского порядка (за исключением, пожалуй, эпизода с Евпатием Коловратом) носят характер искусственной и механической пристройки».¹⁷ Д. С. Лихачев, полемизируя с этим утверждением о механическом характере соединения эпизодов Повести, подчеркивал единство стилистической манеры Повести, слитность всех ее эпизодов в единое целое.¹⁸

Истории сложения ПорРБ посвящена специальная работа Д. С. Лихачева.¹⁹ Исследователь обратился к тексту, содержащемуся под 1238 г. в Новгородской I летописи по Синодальному списку, опубликованной А. Н. Насоновым.²⁰ Принимая тезис В. Л. Комаровича о том, что Новгородская I «сохранила остатки рязанского свода князя Ингваря Ингоревича»,²¹ Д. С. Лихачев доказал рязанское происхождение двух рассказов Новгородской I летописи — под 1218 г. (повествование об убийстве Глебом Рязанским своих братьев) и под 1238 г.²² Проанализировав сообщение о Батыевом нашествии, ученый отметил ряд совпадений с ним описаний, содержащихся в ПорРБ, при том, что имеются отличия: ряда живых подробностей, содержащихся в летописи, нет в Повести (так, среди послов была «жена-чародейца», татары «острогом оградища» Рязань и т. д.). Д. С. Лихачев сделал вывод о том, что в основе известий Новгородской I о событиях Батыева нашествия и ПорРБ лежит общий источник: рассказ не дошедшей до нас Рязанской летописи, который был значительно сокращен в Новгородской I и «расширен вставками» в ПорРБ.²³

В качестве таких вставок Д. С. Лихачев назвал все те фрагменты, которые и составляют сюжет Повести: во-первых, эпизод с Евпатием, поскольку «не встречается он... во всех тех памятниках конца XIV—начала XV в., на которые повлияла Повесть о разорении Рязани»; во-вторых, рассказ о самоубийстве Евпраксии, так как он «дважды нашел свое отражение в Повести, очевидно, по недосмотру компилятора»; в-третьих, плач Ингваря Ингоревича, в силу того, что он «создан явно под влиянием позднейшего плача Евдокии...»; в-четвертых, «характер вставки носит и

¹⁷ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI—XIV вв. М., 1960. С. 352.

¹⁸ Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. М., 1975. С. 234—235.

¹⁹ См.: Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 48—52.

²⁰ Насонов А. Н. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
²¹ Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 74—77. В настоящее время существует специальная работа о рязанском летописании: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

²² Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем». С. 50.

²³ Так же. С. 51.

рассказ о гибели Олега Красного». «Если мы исключим из Повести о разорении Рязани все эти вставки, то получим приблизительно то самое содержание, которое отразилось в рассказе Новгородской I летописи».²⁴

Такой вывод не представляется бесспорным по целому ряду соображений.

Так, в частности, в «Задонщине» обнаруживаются следы влияния ПорРБ, причем именно фрагмента, рассказывающего о битве с татарами дружины Евпатия. Кроме реминисценций, отмеченных Д. С. Лихачевым,²⁵ можно увидеть следующие. «Фрязи» отвечают Мамаю: «Нешто *тобя* князи русские *горазно подчивали*, ни князей с тобою, ни воевод. Нечто *гораздо упилися* у быстрого Дону на поле Куликове, на *траве-ковылее!*». Обращение к эпизоду о Евпатии Коловрате позволяет найти источник данной реминисценции. Когда Батый обращается к убитому Евпатию, то произносит: «*Гораздо еси меня подчивал* малою своею дружиною, да многих богатырей сильной Орды побил еси, и многие полки падоша». Реализацией соединения двух других мотивов того же фрагмента можно считать и метафору «гораздо упилися»: воины Евпатия отвечают Батыю: «Не подиви, царю, *не успевати наливати чаш* на великую силу — рать татарскую», а их враги стали «*аки пианы*».

Таким образом, фрагмент о Евпатии Коловрате читался в ПорРБ еще до 1393 г.²⁶

Что касается эпизода гибели Евпраксии, то, как уже отмечалось, с не меньшими основаниями его можно считать вставкой в «Сказание о перенесении Николина образа», тем более что очевиден компилятивный характер самого «Сказания», которое образовано четырьмя эпизодами, отличными по стилю и слабо связанными сюжетно.

Первый из эпизодов, по существу, посвящен не столько известию о принесянии Николина образа, сколько информации о Калкской битве: «В лето 6730. Приход из Корсуна чудотворнаго Николы образа Зараскаго. Како приде из пременитаго града Херсони в пределы Рязанския в третье лето по Калском побоище. Тогда убито много князей русских, и стаха князи рустии за половець. А побииени быша за Днепром на речке на Хортицы на Калском поле Половецкой земли, на Калках, месяца июня в 16 день». Стиль фрагмента ощутимо связан с летописным типом повествования.

Второй эпизод, датированный 6733 г., вновь повторяет известие о приходе святыни «в пределы резаньския во область благоверна князя Федора Юрьевича Резанского», но главным в этом фрагменте «Сказания» становится рассказ о крещении князя Владимира Святославича, находящийся в сложных отношениях, как уже отмечалось Д. С. Лихачевым, с летописными источниками. А. Поппэ заметил,²⁷ что именование крестившего Владимира Анастаса епископом происходит в позднейшей распространенной редакции Жития Владимира. Повествование о крещении в целом ничем не связано

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Лихачев Д. С. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 281—285. Исследователь отметил, что «Задонщина» прежде всего «берет этикетную последовательность» повествования.

²⁶ В настоящее время большинство ученых признает предложенную М. Н. Тихомировым верхнюю границу датировки «Задонщины» — 1393 г. Основания этой датировки, которая представляется убедительной, приведены: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 203.

²⁷ Интересное и спорное исследование А. Поппэ содержит ряд доказательств позднего происхождения культа Николы Корсунского, появление которого связывается с 1530-ми гг. (к этому же времени относится и создание «сказания»). См.: Поппэ А. К начальной истории культа св. Николы Зараского // Essays in Honor of A. A. Zimin / Slavica Publishers Inc. Edited by D. C. Waugh. 1985. P. 289—304.

с темой иконы Николы, кроме того, что «стоял чудотворный образ во граде Корсуні посреди града, близ церкви», где крестился Владимир Святославич.

Третьим следует яркое повествование о явлении Николы Евстафию и пути священника с женою и сыном на Русь, которое, как представляется, содержит мотив предыдущего фрагмента: сообщение о слепоте Евстафия повторяет известие о слепоте Владимира. Завершается этот фрагмент предсказанием, что Федор сподобится мученического венца вместе с женой и сыном. Отметим, что смерть Федора как смерть мученика за веру осознается уже в редакциях Б, а затем — во всех редакциях ПорРБ XVI—XVII вв., в ред. А смерть Федора с агиографически разработанным мотивом мученичества не связывалась.

И вероятнее всего, ПорРБ, существовавшая до создания Заразского цикла, послужила первоначальным источником краткого сообщения о судьбе Федора, его жены и сына.

Поскольку Д. С. Лихачев не приводил доказательств того, что рассказ о гибели Олега Красного — вставка, то ограничусь лишь замечанием, что эпизод этот в тексте ПорРБ подчинен общей идее памятника и выполняет особую функцию.

Вопрос о плаче Ингваря Ингоровича достаточно сложен. Однако даже если считать, что на плач повлиял плач княгини Евдокии,²⁸ то нельзя исключить ни возможности привнесения в существовавший плач Ингваря *части* образов, связывающих два плача, ни того, что первоначально в плаче Ингваря Ингоровича было описание плача Ингваря только как действия (а потому более позднее появление и плача как слова не может служить доказательством вторичности всего фрагмента в целом), ни, наконец, того, что оба плача восходят к одному источнику.

Важно иметь в виду, что ПорРБ «не является документальным описанием борьбы рязанцев с вторгшимся в пределы княжества врагом».²⁹

Представляется, что это литературное произведение находится с историческим фактом (разгромом Рязани) в таком же соотношении, как, например, «Слово о полку Игореве» с Игоревым походом 1185 г. Все элементы сюжета ПорРБ подчинены четкому идейно-художественному замыслу автора, точно так же, как и поход Игоря становится темой для рассуждений автора «Слова...» о судьбах Руси, ее «обидах», чести и славе.

К пониманию замысла ПорРБ как литературного произведения позволяет приблизиться анализ ее старшей редакции.

Тема «великой конечной погибели» — основная тема ПорРБ — определила, как кажется, тот особый принцип отбора и переосмысления исторического материала, на основе которого был создан памятник.

Прежде всего это относится к «сведению в единое братское войско» рязанских князей — участников битвы с татарами и князей, уже умерших к тому времени. По летописным источникам известно, — и это неоднократно отмечалось исследователями, — что Давид Муромский умер в 1228 г., Всеволод Пронский — в 1208 г., Кир Михайло Всеволодович — в 1218 г., Ингварь Ингорович — в 1220 г. (его и сменил на рязанском столе Юрий Ингорович); Глеб Коломенский и Федор Юрьевич не известны по другим источникам, а Олег Красный не был убит Батыем: он вернулся из плена в 1252 г. Мученически погиб сын Олега — князь Роман, убитый в Орде в

²⁸ Такую точку зрения, высказанную В. П. Адриановой-Перетц (см.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974), поддерживает большинство ученых.

²⁹ Дмитриев Л. А. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 г. — конец XIII века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 117.

1270 г. Не упомянут в Повести Роман Ингоревич, погибший в битве с монголо-татарами во Владимирских землях (именно его, как полагают, отправил Юрий Рязанский за помощью во Владимир).

Объясняется эта неисторичность либо большой временной отдаленностью (В. Л. Комарович, И. У. Будовниц, А. Поппэ), либо эпическим осмыслением Батыева нашествия (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев).

Утверждение о большой временной отдаленности Повести от событий 1237 г. вызывает ряд возражений. Во-первых, автор памятника упоминает о родственных связях рязанских князей с киевскими и черниговскими. Такие связи действительно существовали в XII в.: князь Роман Глебович, борющийся за независимость Рязанского княжества от князя владимиросудальского Всеволода Большое Гнездо, был женат на дочери Святослава Всеволодовича Черниговского (героя «Слова о полку Игореве»), а его брат Ярослав Глебович — на дочери Рюрика Ростиславича Киевского. Поэтому упоминание о расхищении монголо-татарами богатств рязанских князей и «сродник их черниговское и киевское» исторически точно.

Во-вторых, не случайно и упоминание о том, что муромский князь участвовал в битве вместе со своим старшим братом — рязанским князем. Еще перед 1392 г. — годом присоединения Муромского княжества к Московскому Муром стал самостоятельным княжеством. Возможно, подчеркнутая родственная связь между Рязанью и Муромом была призвана напомнить о единстве Рязанской земли.

В-третьих, описание участия в войне с Батыем в войске старшего брата коломенского князя связано тоже с политическими проблемами XII—XIII вв. Начиная с 1162 г. князья владимиросудальские воевали с Рязанью за Коломну. В 1179 г. Глеб Рязанский умер в плену у Всеволода, не пожелав уступить победившему противнику этот город. После разгрома Рязани монголо-татарами князь Ярослав Всеволодович пытался присоединить Коломну все к тому же Владимирскому княжеству. Борьба Всеволодовичей с Рязанским княжеством за Коломну трагически завершилась лишь в начале XIV в., когда по приказу Юрия Московского в 1319 г. был убит Константин Рязанский, взятый в плен Даниилом Александровичем и отказавшийся отдать Коломну в качестве выкупа за свою свободу. После того, как попытки Ярослава Константиновича вернуть Коломну не увенчались успехом, рязанские князья были вынуждены признать Коломну московским владением.

Таким образом, появление в братском войске рязанского князя Юрия его братьев Давида Муромского и Глеба Коломенского может быть связано и с публицистической задачей Повести, особенно остро стоявшей в последней трети XIII в.

По сравнению с летописными источниками в тексте ПорРБ произведены существенные изменения в изображении действия рязанских князей.

Во-первых, только в Повести сообщается о том, что вместо дани, которую требовали татары у рязанцев, они отправляют Батыю посольство Федора с дарами. Дань платят побежденные, равные обмениваются дарами. Таким образом, рязанские князья ведут разговор с Батыем как с равным.

Во-вторых, все летописные источники сообщают о том, что рязанские князья бились *в осаде* (это отмечено и Новгородской I летописью, в которой сведения о разгроме основаны на материалах несохранившегося Рязанского летописания).

В Повести Юрий с братьями и дружиной выступает навстречу Батыю. Рассказ о битве рязанских князей и дружины является в тексте Повести важным элементом сюжета. Оформление первой его части — рассказа о

подготовке к битве с Батыем — этикетно. И этикетность эта связана как с этикетностью изображения князя-воина (приготовление полков, обращение к дружине³⁰), так и с традицией описания действий князя-христианина, готовящегося биться с «погаными» («...и возде руце на небо со слезами, и рече: „Изми нас от враг наших, Боже...“», «...и поидоша в церковь, и плакша поидо пред образом...», «и дав последнее целование...»). Вторая часть эпизода повествует о битве с Батыем: «И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и сретоша его близ предел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно. И бысть сеча зла и ужасна: мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый и видяше, что господство резанское крепко и мужественно бяшеся, и возбося. Да противу гневу Божию хто постоит? А Батыеве бо силе велице и тяжце, един бяшеся с тысящею, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича и воскричаша: „О братие моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем?“ Преседоша с коня на конь, и начаша битися прилежно, многиа сильныа полкы Батыевы проеждя, храбро и мужественно бяшеся, яко всем полком татарьским подивитися крепости и мужеству резанскому господству. И едва одолеша их сильныа полкы татарскыа». И заключается повествование о битве референном, о роли которого уже говорилось.

Описание битвы рязанских князей с Батыем построено на повторах, традиционных формулах боя: «бысть сеча зла и ужасна», «храбро и мужественно» (причем последние слова появляются как в авторском описании, так и в восприятии врагов: «Батый и видяше...», «яко всем полком подивитися»), впервые появляется формула «един бяшеся с тысящею, а два со тмою», которая продолжает тему неравной битвы («многиа силныа полкы», «Батыеве бо силе велице и тяжце», «многиа силныа полкы Батыевы»). Подчеркивается трудность, с которой победили татары: «И едва одолеша их...». Таким образом, в ПорРБ рязанская дружина — равный противник «тмочисленной силе» Батыя: при встрече первыми нападают рязанцы («И нападоша на нь»). Т. е. в Повести князя как равные бьются с противником, не случайно поэтому звучит в похвале «паче меры храбры».

Такое отношение автора к своим героям подтверждает наблюдение Д. С. Лихачева, сделанное на другом материале, о том, что «русское понятие о храбрости — это удаль... это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте».³¹

Гордость и удаль русских князей, о которой говорится в похвале, подтверждается рассказом о битве, исход которой заранее predetermined (именно поэтому уже в обращении появляется образ смертной чаши), но которая от этого сознания стала лишь яростнее. Эпизод этот принципиально важен для понимания идейного замысла автора: с идеальной точки зрения изображаются в Повести князя, погибшие за свою землю.

³⁰ Ситуация обращения князя к дружине перед битвой, начиная с известных слов князя Святослава, знакома литературным памятникам. Обычно слова Юрия сопоставлялись с призывом князя Игоря в «Слове о полку Игореве». В ПорРБ традиционное обращение начинается библейскими словами: «Аще от руки Господни благая прияхом, — то злая ли не потерпим?». Эти слова принадлежат Иову. Когда ему и его жене сообщают о гибели урожая и скота, то он произнес: «Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим?» (Кн. Иова. 2, 10). Отметим, что автор Повести усиливает тему смирения по сравнению с источником: Иов произнес эту фразу, когда еще были живы его дети, — их смерть толкнет его на упрек Богу³¹ за несправедливость. Князь Юрий говорит это уже после смерти сына, невестки и внука.

³¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1981. С. 9.

Похвала в ПорРБ связана с основным текстом очень тесно: все слова, отнесенные к рязанским князьям, могут быть подтверждены и на сюжетном уровне. В похвале, например, говорится: «ко... посолником величавы». Князь Федор Юрьевич не утратил этой величавости, сам став послом. Его диалог с Батыем — отказ признать царя победителем, а себя — побежденным: ведь речь идет не только о чести князя, но о чести княжества. Гибель Федора — смерть князя-воина, посла, а не агиографического мученика. Рассказ о самоубийстве Евпраксии³² — не только воплощение темы любви средствами средневековой поэтики, но на идейном уровне продолжение главной темы ПорРБ: татары победили не потому, что есть побежденные, а потому, что их противников не осталось в живых.

Невозможность оставаться в живых побежденным, т. е. признать во враге победителя, движет Евпатием Коловратом. Его дружина — 1700 человек — «нападоша на станы Батыевы» и испытывает из той же «единой смертной чаши», что и вся Рязань. Отметим, что в описании битвы Евпатия с татарами используются те же формулы, что и в рассказе о битве рязанских князей, причем повторяются и мотивы битвы: «бьяше нещадно», «храбро и мужественно», «яко самому царю возбояться». При этом повторившаяся гипербола «един бьяшеса с тысящею, а два — со тмою» в этом эпизоде появляется не в авторском описании, а в оценке татар, что, безусловно, усиливает тему отваги. Взаимопроникающей стала и тема битвы-пира: о том, что не успевают «наливати чаш на великую силу — рать татарскую», говорят воины Евпатия, о том, что татары стали «аки пианы», говорится в авторском описании, в том, что Евпатий с дружиной его «гораздо... подщивал», признается сам Батый. Т. е. в ПорРБ образ битвы-пира становится *темой*, организующей повествование о битве Евпатия. «Люди крылатии и не имеючи смерти», — говорят о погибших в битве рязанцах савноники Батыя.

Эпизод о битве Евпатия, с известной симметрией повторивший эпизод сражения князя Юрия, на идейном уровне оформляет совершенно другую ситуацию: рязанские князья защищали Рязань, дружина Евпатия мстит за нее. Гибнут и те, и другие. Темой, соединяющей воедино все эпизоды Повести, является тема смерти.

Эта тема связывает ПорРБ с традициями жанра «летописной повести» (мы принимаем здесь точку зрения Н. С. Демковой о том, что ПорРБ была создана по модели летописной агиографической повести, рассказывающей о смерти князя).

ПорРБ рассказывает об обстоятельствах смерти рода рязанских князей, содержит великий плач по ним и Рязанской земле, описание погребения и похвалу. Таким образом, жанровой основой литературного памятника является летописная повесть. С жанровой направленностью и связана эмоциональная установка — «плач-похвала». Как и в жанре «летописной повести», в ПорРБ значительно влияние агиографического начала. Так, в

³² По Повести, Евпраксия — греческая царевна (ср. со словами в похвале роду рязанских князей: «к греческим царем велику любовь имуща»), как в свое время Анна, жена Владимира Святославича. Связь с Византией была более тесной у Мономаховичей, но в Повести подчеркивается величие Рязанской земли, и потому женой сына великого рязанского князя становится греческая царевна. Н. С. Демкова обратила мое внимание на сходный принцип использования упоминания о Византии в «Слове о погибели Русской земли»: «И жюр Мануил Цесареградский опас имея, поне и великия дары посылаша к нему (Владимиру Мономаху. — И. Л.), абы под ним великий князь Володимир Цесарягорода не взял». Византийский император Мануил I Комнин не был современником Мономаха, и сам Мономах не воевал с Византией. Но упоминание о Византии, трепетавшей перед русским князем, было необходимо для придания большей славы и величия прошлому Русской земли.

похвале роду рязанских князей неоднократно подчеркиваются (наряду с их реальными чертами) христианские добродетели погибших («святого корене отрасли», «от самых пелен Бога возлюбил», «о церквах... вельми печашеся», «посту и молитве прилежаста» и т. п.). С наибольшей силой агиографическое начало выразилось в образе Олега Красного.

Олег, как и все князья рязанские, воспитан был «в благочестии со всяцем наказании духовнемъ. Отъ самых пелень Бога» возлюбил. Весь израненный, князь попал в плен. «Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогаючи от великихъ ранъ, и хотя его изврачевати от великихъ ран, и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыа, и нарекъ его безбожна и врага христианския. Окаяный Батый и дохну огнемъ от мерскаго сердца своего, и вскоре повеле Олга ножи на части раздробити. Сий бо есть второй страстоположникъ Стефан, приа венець своего страдания отъ всемилостиваго Бога...». Смерть Олега Красного — это смерть не только за Русскую землю, это смерть за Бога, т. е. это — смерть святого. Именно поэтому Олег сравнивается с мучеником Стефаном. Положение, в котором оказался Олег, аналогично положению первомученика: так же, как и страстоположник, Олег *первым из русских князей*, оказавшись в руках врагов, отказывается отречься от веры, обрекая себя этим на мученическую кончину. И рязанские князья поэтому являются не только «сродниками» святым Борису и Глебу, но и родными братьями Олегу Красному, принявшему «венец мученика». Святость борьбы с татарами подчеркнута смыслом этого фрагмента.

Итак, и эпизод, повествующий о гибели Олега Рязанского, подчинен той же идее, которая определила сюжет произведения, и не может рассматриваться в качестве вставки.

Таким образом, ПорРБ — литературный памятник, в котором исторические события 1237 г. стали основой повествования, подчиненного единому авторскому замыслу. Главная идея памятника — идея «великой конечной гибели» — определила и принцип отбора исторических фактов, и угол зрения, под которым переосмысливались действительные события, и сюжетное оформление, и образную систему Повести.

Публицистичность звучания, эмоция плача, общность художественных приемов, основная идея сближают ПорРБ с литературой 70-х гг. XIII в., в частности со «Словами» Серапиона Владимирского, но, естественно, произведение ориентировано на другой жанр. Волоколамский список ред. А достаточно близко к архетипному тексту передает то сложное художественное целое, которое являла ПорРБ.

Талант автора Повести отмечался многими исследователями: «...никогда до того ни одно произведение не было исполнено такой веры в моральную силу русских бойцов, в их удаль, отвагу, стойкость и преданность Родине, как то единственное, которое сохранилось от всей, очевидно, немалой рязанской литературы. Созданное на пепелище, оно сохранило тот великолепный „пошиб“ и точность стилистического чекана, по которой опознаются не только личная одаренность автора, но и принадлежность его к целой школе мастерства».³³

Памятник, созданный в традициях высокой книжности, имел длительную и сложную литературную судьбу. Переработка ПорРБ в XVI—XVII вв. позволяет не только проследить историю текста памятника, но и увидеть древность его поэтической системы.³⁴

³³ Лихачев Д. С. Великое наследие... С. 224.

³⁴ См.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Редакции XVI и XVII веков. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1985.